

Божественного Сына и послал Духа Святого, в Котором дано все?

Наконец, нужно заметить, что Бог в подлинном смысле стал «человеком», то есть воспринял человеческое естество, а не человеческую личность, чтобы нас научить, что мы, дабы быть сынами Божиими, должны возлюбить в ближнем то, что относится к человеку как таковому, а не этого или того человека и не то, что в нем или в ком-то еще или во мне самом есть особенного, согласно Матф.20: «отбрось свое»¹³³¹, и «Пришел к своим, и свои Его не приняли»¹³³². — Это те, что жили, заботясь о своем, не приняли Его. И вот Он отправился к тем, что отдали себя Ему в собственность, к тем, что «ищут не свое, но Божие»¹³³³. «Возлюби, — говорит Спаситель, — ближнего твоего, как самого себя»¹³³⁴. Воистину, если ты любишь твоего отца, твою мать, твоих братьев и сестер, потому что они «твой» отец, «твоя» мать, «твои» братья и сестры, то ты «опутан нитью греха», и «нить, втрое скрученная, нескоро порвется»¹³³⁵. Первая нить заключается в том, что ты любишь твое; вторая — в том, что ты любишь отца твоего на земле, чьим сыном являешься ты; третья — в том, что ближнего ты любишь не так, как себя самого. Ведь ты — не твоя мать, не твой брат, не твоя сестра; итак, ты их должен любить потому, что они люди, ибо и ты — человек.

Сначала Слово восприняло «человека», человеческое естество как таковое; [облик] же определенного человека, определенного потомка Адама, Он принял на Себя ради общечеловеческого естества. Так Он очистил его от первородного греха, который посрамляет естество, но не от личного греха, который относится к отдельному человеку и помрачает его, что подобающим образом изъяснено в Иез.18: «Сын не понесет впредь вины отца»¹³³⁶. «Вины», — говорит Он, то есть самого греха. Ибо весьма часто чадо страдает за грехи отца своего, по слову: «Я — Бог, наказывающий детей за вину отцов до третьего и четвертого рода»¹³³⁷.

Пример сказанному обретается в природе, как упомянуто выше. Кроме того, в искусстве мы замечаем следующее: строитель созерцает дом прежде всего и по существу как *целое*; отсюда он внутренним образом извлекает идею, зримый образ и придает ему форму, а также вживается в него. А части дома, напротив, он планирует лишь во вторую очередь и как бы между прочим, хотя воплощает их прежде всего. Итак, хочешь ли возлюбить ближнего «как себя самого», тогда «отбрось твое», как сказано выше. «Твое» — это то, что свойственно лично тебе; но человечество, или человеческое естество, оно вкуче присуще как тебе, так и всякому человеку, — и вот Сам Бог есть всяческое во всем. Поэтому именно Он является Тем, Кто во всем зрим, любим, вожден и един с нами. «Отбрось в творениях благо это и то, и ты узришь Бога», — говорит Августин¹³³⁸. «Отбрось твое», твое — это грех, твое — это ложь и вообще всякое зло, по слову: «Всякий человек лжив»¹³³⁹, твое — это то, что присуще тебе и никому другому: «И враги человеку домашние его»¹³⁴⁰. Чем больше что-то свойственно «лично», тем более оно враждебно человеку. «Отбрось»: личное — это и то, «возлюби»: присущее человеку — это всеобщее!

А когда говорится: «Бог ничего не дает вне Себя. Он дает всегда в вечности, а не во времени... Он дарует и творит только в вечности», — то признаюсь, что критиков сего изречения я рассматриваю как невежд. Августин говорит о Боге: «Все завтрашнее и то, что следует за ним, все вчерашнее и то, что позади него, Ты совершишь сегодня, Ты совершил сегодня. Что мне, если кто-то не понимает этого?»¹³⁴¹

И когда далее говорится: «Богу нечего делать во времени», то это опять-таки правильно. Ибо